

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИСАД И СКИФСКОЕ ВОССТАНИЕ НА БОСПОРЕ¹

Акад. С. А. Жебелев

Триста с лишним лет (с 438/7 г. до н. э.) правили Спартокиды на Боспоре, когда в последнее десятилетие II в. до н. э. последний представитель династии Перисад—вероятно, пятый в ряду одноименных правителей—добровольно передал свою власть понтийскому царю Мифрадату Евпатору. Так говорит Страбон², основывающийся в своих исторических экскурсах о Боспоре на показаниях или Ипсикрата³ или Посидония⁴. Перисад оказался вынужденным сложить с себя бразды правления потому, что он был не в силах противостоять варварам, требовавшим большей дани, чем прежде (*φέρων πρᾶττομένους μείζον τοῦ πρίτερον*). Так как Боспорское государство не состояло в вассальной зависимости от соседивших с ним скифских и сарматских племен, то употребленное Страбоном выражение *φέρος* не должно понимать буквально в смысле дани. Это—денежные взносы, которые в ольвийском декрете в честь Протогена⁵ евфемистически названы «дарами», *δῶρα*. Эти дары Ольвия была вынуждена платить насадившим на нее окрестным скифским царям и царькам, чтобы избежать их набегов и нападений, в качестве «отступного». То, что испытывала Ольвия столетием раньше того времени, к которому относится указание Страбона, приходилось теперь переживать и Боспорскому государству. Его теснят соседившие с ним туземные племена. Чувствуя свое бессилие справиться с ними вооруженною силою, боспорское правительство пробует откупиться от них посулами. Но чем дальше, тем более настойчивыми и требовательными становятся претензии этих племен. Ни государственной, ни личной казны Перисада нехватает на удовлетворение этих претензий, и он, ввиду грозящей Боспору участи стать добычею соседей, отрекается от престола и передает власть в более крепкие и могучие руки понтийского царя.

Мы достаточно хорошо знаем, благодаря имеющемуся у нас запасу лите-

¹ Данная работа акад. С. А. Жебелева напечатана в 1933 г. в «Известиях ГАИМК» очень ограниченным тиражом. Ввиду большого интереса, который представляет эта статья, редакция с согласия акад. С. А. Жебелева вновь печатает его статью с изменениями и дополнениями.

² *Strab.*, VII, 303—310.

³ *Rostovzew, Skythien und der Bosphorus*, 128, ср. В. Ф. С м о л и н, «Изв. Тавр. общ. ист., арх. и этногр.», III, 66 сл.

⁴ *J a c o b y, Frg. Hist.*, II A, p. 242.

⁵ *IRE* 1² 32 = *Syll.*³ 495 = *M i c h e l, Rec.*, 337, II, 11, 34, 44, 91.

ратурных, эпиграфических и археологических источников, историю Боспора в IV в. и отчасти в первой половине III в. Тогда Боспор представлял собою сильное, и в экономическом и в политическом отношениях, государство. Опираясь на свою армию, состоявшую, главным образом, из наемных войск, оно не только держало в повиновении и жившее в его пределах туземное население и соседние «варварские» племена, но имело возможность включить в свой состав некоторые из этих племен на азиатской стороне Боспора в качестве подвластных. «Архонты Боспора и Феодосии», боспорские правители титулуются в боспорских документах IV в. и первой половины III в. также и «царями» таких-то и таких-то туземных племен, обитавших по Кубани и ее притокам. Политическая мощь Боспорского государства, опиравшаяся на его военную силу в лице наемной армии, дорого стоившей правительству, являлась своего рода надстройкою его экономической базы, главным ресурсом которой был широкий экспорт, главным образом, хлебного зерна, в материковую, островную и, вероятно, также в малоазиатскую Грецию, экспорт, приносивший Боспору хорошие барыши. Насколько велик был этот экспорт хотя бы в Афины, бывшие в IV в. главным потребителем боспорского зерна, видно из речи Демосфена против Лептина (31—33). Оказывается, из 1600 000 медимнов (медимн=ок. 59 л) ежегодно экспортируемого в Афины хлеба около половины его вывозилось из пределов Боспорского государства¹. При этом не следует упускать из внимания, что добывание зернового, как и прочих видов, сырья обходилось Боспорскому государству дешево, так как оно производилось руками рабского туземного населения самого Боспора².

С конца IV в. у Боспора в деле хлебного экспорта появляется сильный конкурент в лице птолемеевского Египта. Для Афин это можно констатировать на основании документальных данных, из которых видно, что на афинском рынке египетский хлеб появляется уже с первого десятилетия III в.³ В 289/8 г. Спарток IV посылает еще в Афины в дар 15 000 медимнов⁴, но уже его преемник Перисад II отправляет посольство к Птолемею II Филадельфу в 254/3 г.⁵ имевшее своей целью, несомненно, урегулировать также и вопросы, касающиеся хлебного экспорта, в частности, быть может, специально в Афины, с которыми египетский царь состоял в формальном союзе⁶. Предположение⁷ об отсутствии торгового соперничества между Птолемеями и Спартокидами нуждается, во всяком случае, в ограничении,

¹ А. Косеволов, *Rh. Mus.* XXXI, 1932, 321 сл.

² Из указания Страбона (VII, 311) видно, что жившие за пределами Боспорского государства в степной полосе, примыкавшей к Таврическому полуострову и северному побережью Азовского моря, скифские племена, объединяемые Страбоном под общим наименованием номадов, сдавали в аренду за умеренную плату принадлежащую им землю всем желающим ее обрабатывать. В числе этих арендаторов Боспор был, несомненно, одним из главных, если не самым главным. Это следует из указания Страбона, что номады, в случае неуплаты арендаторами условленных взносов (φύρον) арендной платы, начинают с ними войну. Не платят же ее те, продолжает Страбон, кто, опираясь на свою силу, могут или легко отразить нападающих или воспрепятствовать их вторжению. Далее, со слов Иппикрата, Страбон приводит в пример боспорского царя Асандра, отгородившего стеною перешеек Таврики у Мэотиды. Несомненно, однако, что в числе лиц, опирающихся на свою силу, нужно разумеать также и Спартокидов, по крайней мере, IV и первой половины III в.

³ IG II² 682. 650=Syll.³ 409. 367=M i c h e l, *Rec.*, 129, 1480.

⁴ IG II² 653=Syll.³ 370=M i c h e l, *Rec.*, 124.

⁵ B e l l, *Symbolae Osloenses*, V, 1927, 33 сл.=B i l a b e l, *Sammlung gr. Urkunden aus Aegypten*, III, 7263.

⁶ IG II² 687=Syll.³ 434—435=M i c h e l, *Rec.*, 130.

⁷ R o s t o v t z e f f, *JEA*, XIV, 1928, 13 сл.

поскольку дело касается торговли хлебом, в которой боспорское правительство было заинтересовано в высокой степени и которая неизбежно должна была сократиться с поступлением на греческие рынки египетского хлеба. Это должно было отразиться на экономическом благосостоянии Боспора и повлекло за собой ослабление его прежней военной силы, которая, как сказано выше, основывалась на наемной армии. Содержать ее в прежних размерах стало для Боспорского государства тяжело, и это обстоятельство было, конечно, прекрасно учтено окрестными с Боспором туземными племенами, почувствовавшими начинавшийся и постепенно развивавшийся упадок правящей на Боспоре династической власти¹.

Этот упадок, правильнее сказать, медленное увядание после пышного расцвета в IV в., развивался постепенно. Проследить его отдельные этапы невозможно, так как наши источники для истории Боспора после смерти Перисада II и до последнего Перисада более чем скудны и малосодержательны. Мы не можем даже установить с точностью, хотя бы относительно, преемственный порядок Спартокидов во второй половине III и во II вв. по сохранившимся надписям и монетам, называющим царей Левкона, Спартока и, очевидно, нескольких, по меньшей мере трех, Перисадов². Но кроме имен этих царей (из них Левкона и Спартока относят ко второй половине III в., Перисадов помещают во II в.), имеются еще монеты и черепицы с именем архонта Игиенонта³ и одна монета с именем царя Ака (о ней ниже). Этих Игиенонта и Ака М. И. Ростовцев⁴ считает узурпаторами. Насколько это правильно, судить не берусь, равно, как и о том, можно ли заключать из заметки схолиаста к «Ибису» Овидия⁵, что среди Спартокидов во вторую половину III в. были династические раздоры (возможно, все дело сводится к обыкновенной бытовой истории). М. И. Ростовцев⁶ предполагает, что в первой половине II в. Боспор переживал некоторое возрождение, заключая это из того, что один из боспорских граждан был дельфийским проксемом⁷, что Перисад III посвятил в святыню Аполлона Дидимейского золотую чашу⁸ и проявил свое благочестие, выразившееся, надо полагать, в денежном вкладе, к дельфийской святыне Аполлона⁹. Если уже говорить о возрождении, то почему не вспомнить и о том, что Перисады продолжают чеканить золотую монету?¹⁰ Все же всего этого материала слишком мало, чтобы заполнить пустые, по выражению Бёка, летописи истории Боспора без малого за полтора столетия. Повторяю, увядание Боспорского государства шло постепенно и вызвано оно было не только внутренними причинами

¹ В первой половине II в., как показала работа Н e i s c h e l h e i m 'a, наблюдается повсеместное в греческом мире падение стоимости денег. Так, в 198, в 119—117 гг. серебряная монета имеет лишь половину, и даже меньше, своей стоимости. Отношение серебра к меди в 160 г. = 1 : 512 $\frac{1}{2}$, в середине II в. оно колеблется—1 : 400 и 1 : 500. G. G l o t z, REG, XLV, 1932, 242.

² Предположительная преемственность этих царей у M i n n s, Scythians and Greeks, 583, и в конце VIII т. САН (The Spartocid Dynasty).

³ О них В. В. Ш к о р п и л, Сборник в честь Бобринского, 31 сл., ср. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Из истории Боспора (=ИГАИМК, вып. 104), 143, 92, 93.

⁴ САН, VIII, 581.

⁵ Ст. 309: Левкон, один из понтийских царей, убил своего брата Спартока, имевшего обыкновение прелюбодействовать с его женою Алкафоей; позже тот же Левкон был убит своею женою.

⁶ R o s t o v t z e f f, там же.

⁷ Syll.³ 585.

⁸ IG XI 287, В 126.

⁹ Syll.³ 439.

¹⁰ А. В. О р е ш н и к о в, «Нум. сборник», II, 1913, 37 сл.

и экономического и политического характера, но и причинами внешними. Так, по крайней мере, выходит из короткой заметки Страбона, что последний Перисад оказался вынужденным уступить свою власть Мифрадату, не будучи в состоянии противостоять напавшим на Боспор варварам.

Кого под этими «варварами» должно разуметь? Тут придется припомнить то состояние, в каком очутились греческие колонии Северного Причерноморья, когда стали наводнять южнорусские степи, начиная со второй половины III в.; одно за другим сарматские племена, когда скифы, обитавшие до того в этих степях и в северной части Балканского полуострова, будучи обессилены сначала Филиппом и Александром Македонскими, Лисимахом, а позже фракийцами и галатами, принуждены были, при продвижении сарматов, после того как они перешли Дон, к западу, оставить свое прежнее местожительство в южнорусских степях¹. Процесс вытеснения скифов сарматами происходил, конечно, постепенно. Ранее всего и хуже всего пришлось Ольвии, как о том красноречиво свидетельствует декрет в честь Протогена², рисующий тревожное положение города, страдавшего от напора на него скифских племен в последнюю треть III в. и вынужденного спастись от них «дарами» скифским царям и царькам³. Но щедрость Протогена, а может быть, и других ольвиополитов, не могла помочь беде, и Ольвия вынуждена была, в конце концов, признать над собою, с конца III в., по меньшей мере, главенство скифских царей, как показывают это ольвийские монеты, на которых имена этих царей стоят наряду с именем города⁴.

В первой половине II в. скифы, которых продолжают вытеснять из степной полосы сарматы, сосредоточиваются в Крыму. Это создавало явную угрозу Херсонесу, который должен был подумать о мерах для своей защиты. И вот, опираясь на связи со своею метрополией, Гераклеей, Херсонес ищет поддержки от скифов у понтийского царя Фарнака. В мирный договор 179 г., заключенный между ним и царями вифинским и каппадокийским, наряду с Гераклеей и некоторыми другими греческими городами, включен также и Херсонес⁵. О той опасности, какая грозила Херсонесу от скифов, красноречиво говорят начальные строки клятвенного обязательства Фарнака, сопровождающего специальный договор, заключенный в том же 179 г. между Фарнаком и Херсонесом: «Если соседние варвары пойдут походом на Херсонес или на подвластную Херсонесу территорию, или будут обижать херсонесцев, я буду помогать им, поскольку мне позволит время»⁶. Об одном из таких набегов скифов дошло упоминание в фрагменте херсонесского декрета⁷, отнесенного, правда, В. В. Латышевым, на основании исключительно характера письма, к последним десятилетиям III в., но могущего быть датированным с таким же правом и первыми десятилетиями II в. (мы не в состоянии еще вполне точно разграничивать греческое лапидарное письмо второй половины III в. и первой половины II в. по десятилетиям). С другой стороны, по правильному наблюдению В. В. Латышева, письмо этой надписи очень близко напоминает письмо херсонесского декрета

¹ Rostovtzeff, САН, IX, 227 сл.

² IPE I² 32 = Syll.³ 495. В. В. Латышев—Исследования об Ольвии, 66 сл.

³ Декрет в честь Протогена не позже 213/2 г.; предположение Ф. Слюсаренко («Науковий ювілейний збірник в честь Масарика», Прага, 1925, 268 сл.), относящего декрет к началу II в., требует проверки.

⁴ В. В. Латышев, ук. соч., 114 сл.; ср. Minns, Scythians and Greeks, табл. III, 20—23, стр. 487.

⁵ Polyb., XXV, 2, 3—15. Büttner-Wobst.

⁶ IPE I² 402.

⁷ IPE I² 343.

в честь историка Сириска¹. Сириска херсонесцы чествуют, между прочим, за то, что он в своем историческом труде изложил историю отношений между Херсонесом и боспорскими царями. Ясно, каких вопросов эти отношения в современную Сирискую эпоху могли и должны были касаться в первую очередь: прежде всего о том, как обезопасить себя от скифской угрозы, которая нависла над Херсонесом и должна была коснуться, рано или поздно, и Боспора. Однако все эти меры предосторожности оказывались недостаточными, и когда напор скифов на Херсонес стал в конце II в. угрожать его независимости, херсонесцы были вынуждены отдаться под защиту Мифрадата, избрав его своим «предстоятелем»², другими словами, отдать свое государство под покровительство и защиту понтийского царя³.

Важным фактором во всей обстановке середины II в. в Крыму было то, что скифы, жившие и действовавшие до тех пор вразброд, начали постепенно объединяться. В Крыму, в тылу у Херсонеса, образовалось объединенное Скифское государство, во главе которого стал царь Скилур. Это был способный и, во всяком случае, хорошо понимавший свои задачи правитель. Возможно, что уже Скилур заручился союзом с одним из самых сильных сарматских племен, роксоланами, расселившимися по северо-восточному берегу Азовского моря⁴; но во время заключения договора между Херсонесом и Фарнаком в 179 г. сарматы были еще, повидимому, во вражде со скифами и, может быть, даже поддерживали Херсонес в его борьбе с последними⁵. Организовал ли Скилур свое Крымское царство при помощи ольвиополитов, как предполагает М. И. Ростовцев, я утверждать не решаюсь, точно так же, как и то, что свои доходы Скилур увеличил, наладив, при помощи крупных ольвийских купцов, значительный экспорт хлебного зерна через Ольвию (в подтверждение этого М. И. Ростовцев может сослаться на две посвятельные надписи, IPE I² 670, 671, ольвиополита Посидея в честь почитавшихся на Родосе Зевса Атабирия и Афины Линдийской, а также на посвятельную надпись, IPE I² 672=SEG III 608, того же Посидея в честь Ахилла в благодарность за победу над сатархейями, занимавшимися пиратством). Несомненно, однако, что Скилур, став господином Ольвии (неизвестно, оккупировал ли он ее или сделал вассальной), стремился расширить границы своего царства в юго-восточном направлении. Тут взоры Скилура прежде всего должны были быть направлены на Херсонес, как на удобный и хорошо защищенный порт, ближе всего расположенный к его Крымскому царству, средоточие которого было около теперешнего Симферополя. Напасть открыто на Херсонес и на зависевшие от него на западном побережье Крыма городки Скилура, быть может, и не решался до поры до времени, имея в виду, что Херсонес состоял в союзе с Понтийским царством. Но что Скилур делал набеги на херсонесскую территорию, причем и херсонесцы пробовали откупаться от него «дарами», в этом вряд ли можно сомневаться.

Возникновение царства Скилура в пределах Северного Причерноморья,

¹ IPE I² 344; М. И. Ростовцев, ЖМНП, 1915, апрель, отд. клас. фил., 151 сл.

² *πρωστάτην ἐλέσθαι*. Strab., VII, 308.

³ Несомненно, этому факту предшествовали дипломатические переговоры с Мифрадатом; о них, быть может, сохранилось упоминание в фрагменте херсонесского декрета, IPE I² 349.

⁴ Rostovtzeff, САН, IX, 228.

⁵ М. И. Ростовцев, ЗОО, XXXII, 1915, 58 сл.

области колониальной экспансии греков среди чуждого им туземного населения, типично для колониальной политики, связанной с эксплуатацией колонизаторами туземного населения. Царство Скилура совершенно правильно характеризуется не как скифское, а как греко-скифское царство. В этом отношении эллинизация Северного Причерноморья, быть может, могла бы похвастать наибольшим из одержанных ею успехов. Северно-причерноморские греческие колонии были наглядным примером превосходства государственного строя над племенным бытом, и они, несомненно, оказали свое влияние на процесс разложения последнего. Страбон (VII, 311), противопоставляя степных скифов, — номадов, по его терминологии, — скифам-земледельцам, обитавшим на Таврическом полуострове, пользуется для характеристики последних удачно выбранным термином, называя их *πολιτικότεροι*, очевидно, не только более цивилизованными вообще, но и такими, в быту которых имелись основные элементы того, что связано с понятием греческого *πόλις*, как государственного целого. И в царстве Скилура прежде всего возникает ряд укрепленных поселений типа *πόλεις*, главное из которых носит даже чисто греческое имя *Νεάπολις*, если только это название не является переводом на греческий язык туземного слова, обозначающего «Новгород».

По примеру греческих городов Скилур чеканит монету, на которой не только воспроизводится его имя по-гречески, но которая снабжается такими, между прочим, эмблемами греческими, как голова Гермеса, кери-кейон¹. Чеканка монеты предполагает наличие развитого товарообмена. Пример вышеупомянутого Посидея, надписи с именем которого найдены, как предполагают, в пределах царства Скилура, показывает, что в этом царстве проживали не одни скифы, но также и греки, конечно, ради коммерческих дел. На фрагменте одной из надписей, там же найденных, стоит имя самого Скилура².

Все эти, пусть мелкие, детали показывают, насколько «обэллинизовались» ко времени Скилура скифы, хотя бы с внешней стороны, — судить о внутренней у нас мало данных. Когда Скилур в старости умер, оставив после себя многочисленное потомство, власть перешла к его старшему сыну Палаку, который должен был, очевидно, продолжать политику Скилура.

А политика эта состояла в том, чтобы вытеснить с приморской полосы греков, занять их место, получить те выгоды, которыми пользовались греки, обладая непосредственным доступом к морю. Скифы поняли значение моря для успехов постепенно организующегося государственного быта. Для греческих колоний Северного Причерноморья, для которых в течение долгого времени окружающее их туземное население было исключительно предметом эксплуатации, результат получился тот, что когда скифы окрепли настолько, что сумели объединиться в государство эллино-скифского типа, они повели борьбу с теми, кто их долго угнетал, причем борьба эта, как мы видим, проводится планомерно и последовательно, идя с запада на восток, от более слабого к более сильному — сначала Ольвия, затем Херсонес, наконец, Боспор.

Боспорское государство было, конечно, во много раз сильнее Херсонеса, было дальше расположено от центра скифской державы, утвердившейся в Таврике. Но и ему, очевидно, стало невозможно бороться с напором

¹ Regling, RE, III A, 526.

² IPE I² 668.

варваров, и тогда оно вынуждено было пойти по тому же пути, что и Херсонес. Так нужно объяснять себе поступок последнего Перисада. Пред ним стояла дилемма: или предоставить событиям идти своим ходом и, в конце концов, по примеру Ольвии признать над Боспором верховенство скифского царя, или предупредить это и передать свою власть и вместе с тем защиту государства в руки более мощные, последовав в данном случае примеру Херсонеса. В одном случае перспектива, рано или поздно, утраты независимости Боспорского государства со всеми экономическими ее последствиями и подчинение его скифам, остававшимся в глазах Перисада и его греческих подданных варварами, в другом—надежда, при содействии понтийского царя, избежать варваризации, хотя бы ценою утраты политической автономии Боспора¹. Кроме того, если бы в Боспорском государстве утвердилось скифское верховенство, едва ли оказалось бы возможным продолжать оставлять скифских подданных государства в том состоянии эксплоатируемого класса, в каком они находились. А это влекло бы за собой крушение того социального и экономического уклада, на котором покоилось самое существование Боспорского государства в предшествующее время.

Короткая заметка Страбона устанавливает лишь факт добровольной передачи Перисадом своей власти Мифрадату. Выражение *παρέδοκε τὴν ἀρχήν* должно быть толкуемо буквально. Оно означает, что Перисад передал прерогативы своей царской власти над Боспором Мифрадату, иными словами, что Перисад отрекся от престола, и ничего более. Понимать выражение Страбона так, как его обыкновенно понимают: Перисад, отрекшись от престола, тем самым передал и принадлежавшее ему царство Мифрадату, которое, в силу этого, объединилось с царством последнего, мы не можем на основании слов Страбона. Херсонес, как мы видели, для защиты своей автономии от посягательства на нее скифов, должен был избрать Мифрадата *προστάτης*, своим защитником от внешнего врага, передать Мифрадату руководство этой защитой. То же самое имел в виду сделать и Перисад, не имевший в своем распоряжении достаточных сил противостоять напору скифов на Боспор. Очевидно, предполагалось, что отныне не Перисад, а Мифрадат будет защищать Боспор, станет его *προστάτης*, причем остается открытым вопрос, должен ли был Боспор быть включен в состав Понтийского царства, или, оставаясь самостоятельным государством, встать к Мифрадату в определенные, точно установленные отношения, характер которых мы лишены возможности выяснить. Может быть, предполагалось даже, что Перисад сохранит свой царский титул, но именно только титул, так как вся полнота власти, с этим титулом связанная, отныне должна была перейти к Мифрадату, особенно поскольку это касалось обороны государства. Как видно будет дальше, обстоятельства сложились так, что Мифрадат вскоре же стал и юридически царем Боспора, но в первоначальной формулировке передачи власти Перисадом Мифрадату это могло и не заключаться. Другая, также короткая, заметка Страбона² как будто подтверждает это. В ней говорится, что Херсонес был ранее автономным, но потом, будучи опустошаем варварами, был вынужден отдать себя под защиту Мифрадата, который намеревался идти походом на варваров, живущих выше перешейка (Перекопского) до Борисфена и далее до Адриатического моря, что должно было служить подготовкою к войне с римлянами. Побуждаемый такими

¹ О филэллизме Мифрадата ср. Th. Reinach, Mithridate Eupator, 248 сл.

² Strab., VII, 309.

надеждами, замечает Страбон, Мифрадат охотно послал войско в Херсонес и одновременно с этим стал воевать со скифами, бывшими под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе. Мифрадат силою подчинил скифов себе и в то же время стал господином Боспора, получив его от тогдашнего его владельца Перисада, добровольно Боспор Мифрадату уступившего. Конечно, к терминологии Страбона нельзя предъявлять строгих требований. Все же следует подчеркнуть, что, на основании слов Страбона, Мифрадат, после того как скифы ему подчинились, стал господином Босфора (*κύριος τῆς ἐστῆς*), а не его царем (*βασιλεύς*).

Покойный мой учитель Ф. Ф. Соколов рекомендовал придерживаться двух главных правил исторической критики: «Текст авторов поздних и неточных не должно принимать слишком буквально и точно и слишком много выводить из фраз необдуманных, случайных; наоборот, текст официальных актов, надписей должно толковать самым близким и точным образом». Поэтому не будем слишком настаивать на предлагаемом толковании слов Страбона. Но судьбе угодно было подарить нам надпись, касающуюся боспорских событий, стоявших в непосредственном отношении к отречению Перисада от престола. Эта надпись, открытая еще в 1878 г. в развалинах Херсонеса и с тех пор прочно вошедшая в научный обиход, в своей части, касающейся Боспора, оказалась, по моему мнению, недостаточно полно, а в некоторых случаях и неправильно истолкованной. Между тем, при тщательной ее интерпретации, она открывает много такого, на что до сих пор не было обращено внимание.

Надпись¹ содержит декрет, изданный херсонесским «советом и народом» в честь Диофанта, полководца Мифрадата Евпатора. В декрете излагается деятельность Диофанта на Таврическом и Керченском полуостровах в течение последнего десятилетия II в. Эта дата надписи может считаться установленной абсолютно прочно; попытки распределить изложенные в надписи факты по отдельным годам этого десятилетия могут претендовать лишь на относительное значение². Одно нужно иметь в виду: события излагаются в декрете, как это принято обыкновенно в документах, в последовательном порядке их прохождения. Это вытекает и из самого декрета с его ясной и четкой формулировкой. Несколько панегирический тон декрета в отношении Диофанта понятен: декрет имел в виду почтить Диофанта. Понятно

¹ IPE I² 352 = Syll.³ 709 = M i c h e l, Rec., 338 = M i n n s, Scythians and Greeks, 647.

² Начало деятельности Диофанта относится бесспорно ко времени вскоре после вступления на престол Мифрадата. Когда это вступление имело место, определяется различно: Ed. M e y e r, Gesch. d. Königreichs Pontus, 89 сл., относит это к 115 г.; B r a n d i s, RE, III, 773—после 114/3 г., Th. R e i n a c h, Mithridate Eupator, 55—к 111 г.; R o s t o v t z e f f, САН, IX, 226, принимает датировку Эд. Мейера, подкрепляя ее ссылкой на OGIS, 369. В прологе Трога Помпея к XXXVII книге его истории сказано, что Мифрадат, по вступлении на престол, подчинил себе Понт и Пафлагонию. В кратком изложении Ю с т и н а, XXXVII, 3, 1, говорится, что Мифрадат, вступив на престол, стал немедленно (statim) думать о расширении пределов своей власти, причем прежде всего укротил скифов. Но выражение statim слишком неопределенно, чтобы делать на основании его точные выводы. Другое указание Ю с т и н а, XXXVIII, 7, 4—Мифрадат с большой робостью и неуверенностью приступил к войнам на Понте, так как он был тогда неопытным новичком (rudis ac tiro)—тоже мало помогает; Мифрадат мог считать себя новичком вообще в первые годы после вступления своего на престол. Основываясь на этих указаниях Юстинз, Т. Р е й н а к, которому следует Г е й е р, RE, XV, 2164, ставит первую экспедицию Диофанта в Крым на 110 г., вторую—на 109 г., третью—на 107 г., издание самого декрета—на 107/6 г. Может быть, это хронологическое распределение и правильно; может быть, оно должно быть понижено года на два, на три.

также и то, что события, касающиеся непосредственно Херсонеса, излагаются в декрете, исходящем от лица Херсонеса, с особой обстоятельностью, события боспорские—более суммарно, но все же вполне отчетливо.

Прежде чем перейти к интерпретации тех частей надписи, которые имеют непосредственное отношение к Боспору, я приведу значительную часть декрета в переводе, возможно близком. Та обстановка, в которой развивается содержание декрета, совершенно ясна. Над Херсонесом нависла обычная угроза—наступление скифов царства Палака. Херсонесцы, опираясь на свой договор 179 г. с Фарнаком, очевидно, не утративший своего значения и при его преемниках, обращаются за помощью к Мифрадату, который отправляет в Херсонес войско под командою Диофанта. Вступительные строки надписи не сохранились; в них содержалось указание на то, по инициативе кого из херсонесских граждан состоялось издание декрета. Далее, следует его основная часть, начинающаяся с обычного *ἐπειδή*, которое я оставляю без перевода, чтобы разгрузить и без того несколько громоздкий слог надписи¹.

«Диофант, сын Асклапиодора, гражданин Синопы, наш друг и благодетель, пользуясь доверием и уважением, как никто, со стороны царя Мифрадата Евпатора, постоянно оказывается виновником всего хорошего для нашего города, направляя царя на самое прекрасное и славное. Будучи им привлечен и приняв на себя войну против скифов, Диофант прибыл в наш город и мужественно со всем войском переправился на ту сторону². Когда скифский царь Палак внезапно напал на Диофанта с большим полчищем, он, быв тем самым вынужден выстроить свое войско в боевой порядок, обратил в бегство скифов, считавшихся до тех пор непобедимыми, и таким образом устроил так, что царь Мифрадат Евпатор первый водрузил над ними трофей. Покорив соседних тавров³ и основав на том месте город⁴, Диофант отлучился в боспорские местности и там в короткое время совершил много великих дел. Снова вернувшись в наши места и взяв с собою граждан цветущего возраста, Диофант продвинулся в центр Скифии и, после того, как скифы сдали ему царские укрепленные пункты Хабеи и Неаполь, вышло так, что почти все скифы стали подвластны царю Мифрадату Евпатору. Благодарный народ за все это почитил Диофанта приличествующими почестями, как освобожденный уже от владычества варваров». Таковы были результаты занявшей, по мнению М. И. Ростовцева, два непрерывных года первой экспедиции Диофанта на Таврический полуостров, после чего он вернулся в Синопу.

Херсонесские дела изложены в приведенном отрывке так обстоятельно, что никаких пояснений не требуют. Но что Диофант делал на Боспоре? Какие «многие великие дела в короткое время» совершил он там (*πολλὰ καὶ μεγάλα πράξεις ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ ἐπίτελέσας*)? В. В. Латышев полагал, что в этой краткой и бесцветной фразе содержится указание на оккупацию Боспора, точнее, его европейской части, занимавшей Керченский полуостров, и в подтверждение этого ссылался на приведенные выше слова Стра-

¹ Восстановленных частей надписи, так как они не вызывают каких-либо сомнений, не указываю. Они отмечены в изданиях Латышева и в Sylloge³. Там же и комментарий к надписи и относящаяся к ней литература; см. также SEG, III, 600 и R o s t o v t - z e f f, САН, IX, 1932, 230 сл.

² То-есть с южного берега Севастопольской бухты, где был расположен Херсонес, на ее северный берег.

³ На южном берегу Таврического полуострова, между Херсонесом и Феодосией.

⁴ Евпаторий. S t r a b., VI, 312.

бона¹: подчинив себе скифов, он (Мифрадат) стал господином Боспора, который ему добровольно уступил Перисад. Но эти слова Страбона не могут относиться к первой экспедиции Диофанта. Оккупация Боспора, если бы она имела место, могла бы быть произведена лишь в том случае, если бы Диофант прибыл на Боспор со своей армией и оставил ее там. Из дальнейшего текста надписи мы, однако, увидим, что на Керченском полуострове не только после первой, но и после второй экспедиции Диофанта никакой оккупационной армии не было—иначе там не разыгрались бы те события, о которых речь впереди. По дальнейшему ходу событий выходит, что Диофант и херсонесцы считали задачу покорения скифов выполненной в результате первой экспедиции (иначе херсонесцы и не издавали бы в честь Диофанта декрета «с приличествующими почестями», который, конечно, должен быть отличаем от дошедшего до нас декрета). Поэтому мысль В. В. Латышева об оккупации Боспора должна быть оставлена. Неприемлемо также и то объяснение, какое давал Т. Рейнак² «многим великим делам» Диофанта на Боспоре: непродолжительной, но энергичной кампанией, говорит Рейнак, Диофант привел к покорности скифских подданных Перисада и этим обеспечил права наследования Мифрадата. Но о скифских подданных Перисада в надписи будет речь в связи с другой экспедицией Диофанта, и мы скоро увидим, что эти скифские подданные далеко не были склонны к проявлению покорности.

Понимать под «многими великими делами» Диофанта на Боспоре какие бы то ни было военные действия нельзя: 1) по видимому, Диофант отправился на Боспор без войска, 2) но если бы оно ему сопутствовало, с кем оно должно было бы сражаться? Со скифскими подданными Перисада? Но они, в своей массе, как подневольное население, вряд ли были настолько вооружены, чтобы сражаться с армией Диофанта. Думать же о том, что крымские скифы перебросили свои силы на Керченский полуостров, нельзя, так как эти скифы только что были разбиты Диофантом. Или это были тавры? Но и они только что были приведены к покорности. Во фразе о пребывании Диофанта на Боспоре имеется лишь одно достаточно определенное указание: он пробыл там короткое время. Если бы Диофант успел отличиться на Боспоре, как полководец, да еще притом отличиться в короткое время, думается, в декрете, восхваляющем Диофанта исключительно как полководца, нашлись бы более красноречивые слова, чем простое упоминание о «многих великих делах».

Диофант действовал «короткое время» на Боспоре не как полководец Мифрадата, а как его дипломатический агент. Брандис³ высказывал предположение, что во время первого приезда Диофанта на Боспор Перисад не передал еще своей власти Мифрадату, а через посредство Диофанта просил понтийского царя об оказании ему, Перисаду, помощи против теснивших Боспор варваров. Что же, Диофант эту помощь обещал? Но разве можно было бы об этом сказать: Диофант совершил много великих дел? Конечно, нет. Мне представляется дело в таком виде: одержав победу над скифами в первой же схватке с ними (*παράτοξήμενος ἐν ὑγείαι*) и обратив их в бегство, т.е. заставив их отступить от Херсонеса в центр Таврического полуострова, покорив после того тавров, основав в их области поселение, где, может быть, был оставлен гарнизон, Диофант отправляется в Боспор-

¹ Strab., VII, 308.

² O. c., 68.

³ Brandis, RE, III, 773.

ское государство—либо в Пантикапей, либо в Феодосию. Там он вступает в переговоры с Перисадам. В переговорах этих выясняется бессилие Перисада противостоять грозящей Боспору опасности от скифского напора. Диофанту, победившему скифов, важно было, конечно, защитить от них и Боспор, чтобы тем самым не дать скифам возможности тревожить его,— это создавало бы для Мифрадата, поставившего своей задачей утвердиться в Северном Причерноморье, большую помеху. И вот, узнав у Перисада о его бессилии справиться со скифами, Диофант выступает перед Перисадам с предложением передать власть Мифрадату и тем самым вверить ему защиту Боспора, т. е. поступить так же, как поступил Херсонес. Перисад, надо полагать, дал при этих переговорах свое принципиальное согласие, как мы сказали бы теперь, и это был уже большой дипломатический успех. Так как декрет в честь Диофанта составлен уже после того, как первая стадия переговоров Диофанта с Перисадам привела, в дальнейшем, к благоприятным результатам, и так как, в конце концов, Мифрадат стал боспорским царем, то составитель декрета мог выразиться суммарно, указав, что в первое свое пребывание на Боспоре Диофант совершил «много великих дел», да еще в короткое время. В чем эти дела заключались, современникам декрета было хорошо известно. Непосредственного отношения к Херсонесу дела эти не имели, а потому и не к чему было о них распространяться. Обратим еще внимание на то, что везде в декрете имя Диофанта связано с именем Мифрадата. Лишь в разбираемом отрывке имя последнего не упомянуто. Отсюда напрашивается предположение, может быть, и несколько смелое, что сама инициатива о передаче Перисадам власти Мифрадату исходила непосредственно от Диофанта, действовавшего на свой риск и страх, без непосредственных переговоров с Мифрадатом, но в его интересах, а потому и уверенного в том, что его, Диофанта, шаги понтийским царем будут одобрены. Велись ли раньше предварительные переговоры между Перисадам и Мифрадатом на предмет передачи власти, мы сказать не можем.

Итак, после первой экспедиции Диофант со своим войском возвращается в Понт. Но ему вскоре же, вероятно, не более, как через год, пришлось снова отправиться с войском в Херсонес. Вызвана была эта вторая экспедиция следующими обстоятельствами, изложенными так в надписи: «Когда скифы, обнаружив врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили (утвердившееся) положение вещей, это заставило царя Мифрадата Евпатора снова отправить Диофанта с войском (в Херсонес). Диофант, хотя время склонялось к зиме, взяв своих воинов и самых сильных из (херсонесских) граждан, двинулся против наиболее укрепленных пунктов скифов, но, быв задержан непогодой, поворотил в приморские местности, захватил Керкинитиду и «укрепления» и приступил к осаде жителей Прекрасной гавани¹. Когда Палак, полагая, что время ему содействует, собрал всех своих, а сверх того привлек на свою сторону племя ревкси-налов...², Диофант сделал разумную диспозицию (своих сил). И вышло так, что была победа для царя Мифрадата Евпатора, прекрасная и достопамятная на все времена: из пехоты (вражеской) почти никто не спасся, из конницы же немногие спаслись бегством³. Не оставаясь ни минуты в без-

¹ Все эти пункты, принадлежавшие Херсонесу, были захвачены скифами. Керкинитиды—теперешняя Евпатория; Прекрасная гавань—Акмечеть; «укрепления» расположены были на западном берегу Крыма.

² Роксоланов.

³ У Страбона (VII, 306) говорится, что армия Диофанта состояла всего из 6 000 человек, одних же роксоланов было почти 50 000. Последняя цифра, разумеется, во много

действии, Диофант с войском, в начале весны, пошел на Хабеи и Неаполь». Далее текст надписи пострадал. Из сохранившихся отдельных слов следует, повидимому, что на этот раз скифам было нанесено окончательное поражение¹.

Связный текст надписи снова ведет нас на Боспор.

«Диофант отправился в боспорские местности и устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Мифрадата Евпатора». Снова бесцветная фраза, но менее бесцветная, если приглядеться к ней, чем предыдущая, где говорилось о совершении Диофантом на Боспоре «многих великих дел». На этот раз Диофант устраивает боспорские дела «прекрасно и полезно» (*καλῶς καὶ συμφερόντως*) для Мифрадата. Брандис² по этому поводу говорит: во вторичный приезд Диофанта в Пантикапей боспорские дела были предметом заботы уже не Перисада, а Мифрадата (в лице Диофанта), которому Перисад передал свою власть. Но это противоречит точному смыслу приведенного отрывка: Диофант устроил боспорские дела полезно для Мифрадата, т. е. в интересах последнего. Т. Рейнак³, в соответствии с его пониманием деятельности Диофанта в его первый приезд на Боспор, по поводу вторичного посещения замечает: Диофант появляется на Боспоре, где разразились, без сомнения, беспорядки. Он восстанавливает порядок и открыто провозглашает верховную власть Мифрадата на Боспоре. Но о беспорядках речь в надписи впереди, и подавлять их Диофанту пришлось не с той армией, которая была в его распоряжении во время его второй экспедиции. И во второй раз, как и в первый, Диофант приехал на Боспор без вооруженной силы, при помощи которой он только и мог бы навести порядок. Очевидно, та армия, которая сопровождала Диофанта во время второй экспедиции, после того как скифы и их союзники были разгромлены, вернулась в Понт,—это ясно следует из дальнейшего хода событий, излагаемых в надписи. Наконец, самое выражение: Диофант устроил (*καταστήσας*—восстановление бесспорно) «прекрасно и полезно» для Мифрадата боспорские дела, исключает, кажется, всякую мысль о том, что деятельность Диофанта во вторичный его приезд на Боспор была соединена с какими-либо военными операциями: термин *καθίστημι*, *καθίσταμι* не употребляется, когда речь идет об операциях военного характера.

То дело, начало которому было положено Диофантом в его первый приезд на Боспор, получило теперь свое завершение и оформление. В бытность свою в Понте между первой и второй экспедициями Диофант поставил Мифрадата в известность о готовности Перисада уступить ему свою власть. Акт большой государственной важности—передача власти одним монархом другому—не мог представлять собою простой любовной сделки:

раз преувеличена, с целью тем самым подчеркнуть доблесть греков. О каких-то херсонесах, храбро сражавшихся под Прекрасной гаванью, говорится в фрагменте херсонесского декрета (IPE I², 353), изданного в один год с надписью в честь Диофанта и, может быть, вырезанного тем же резчиком, что и последняя. Сохранившееся во второй строке декрета *Σκίδας καὶ Σα...* М. И. Ростовцев предлагает дополнять *Σα[υρημάτας]*. Вряд ли дополнение удачно: в декрете в честь Диофанта союзниками Палака называются лишь роксоланы. Может быть, скорее следует дополнять *Σα[ταρχαίους]*. Сатархеи (или сатархи) жили к северу от тавров (W e i s s b a c h, RE, II A, 60).

¹ Th. Reinach, 69. Утверждение Гейера, RE, XV, 2165, что Палак, после нанесенного ему Диофантом поражения, бежал в Рим, ни на чем не основано. Сохранившемуся в начале 31-й строки надписи.... *φύγειν* предшествует подлежащее *τοὺς μέν*; вероятно, речь шла о том, что часть полчищ Палака разбежалась.

² RE, III, 774.

³ О. с., 69.

он требовал для себя юридического оформления в той или иной форме. На каких условиях должна была состояться передача власти, мы не знаем и не будем об этом гадать¹. Во всяком случае, во вторичный приезд на Боспор Диофанту предстояло вместе с Перисадом оформить то, что в проекте было решено раньше. Диофант успешно выполнил взятую им на себя миссию, ввел, так сказать, Мифрадата в права фактического владения Боспорским царством, и составитель декрета имел полное основание сказать, что это было дело «прекрасное и полезное» для Мифрадата (в короткой фразе надписи логическое ударение лежит, несомненно, на выражении «полезно», подобно тому, как в первой, столь же короткой фразе, оно лежит на выражении «в непродолжительное время»).

Мы уже указывали выше, что греческие подданные Перисада (возможно, что также и эллинизованные скифские верхи), представлявшие привилегированный класс боспорского населения, класс колониальных эксплуататоров, могли только с одобрением встретить происшедшую смену верховной власти, перешедшей из рук бессильного Перисада в руки Мифрадата, полководец которого только что разбил наголову скифов. Но совершенно иначе отнеслось к состоявшейся перемене режима на Боспоре его многочисленное скифское население, население подневольное, бесправное, эксплуатируемое, население, для которого переход власти в руки Мифрадата не мог сулить никаких надежд на изменение его социального и экономического положения. Все должно остаться по-старому, даже ухудшиться: ведь в распоряжении нового господина Боспора была прекрасно организованная армия, военный флот, опираясь на которые всякую попытку неповиновения со стороны боспорских рабов боспорским господам можно было подавить при ее возникновении. Все это должно было быть учтено скифским населением европейской части Боспора. И оно ответило на совершившуюся перемену режима на Боспоре революционным выступлением. Его причины коренились в глубоких социальных противоречиях между господствующим и подневольным классами боспорского населения. Его поводом послужила передача Перисадом власти Мифрадату. Об этом революционном выступлении боспорских скифов ни у одного древнего писателя нет хотя бы и краткого намека. Лишь декрет в честь Диофанта свидетельствует о нем вполне определенно и в сжатых выражениях дает как бы конспект того, что началось, прежде всего, в Пантикапее и что охватило собою весь Керченский полуостров.

Непосредственно вслед за сообщением о том, что Диофант устроил боспорские дела «прекрасно и полезно» для Мифрадата, мы читаем: «Когда скифы, с Савмаком во главе, произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, выкормившего Савмака, на Диофанта же составили заговор, последний, избежав опасности, сел на отправленное за ним (херсонесскими) гражданами судно и, прибыв (в Херсонес), призвал на помощь граждан. (Затем), имея ревностного сотрудника в лице посылавшего его царя Мифрадата Евпатора, Диофант, в начале весны (следующего года), прибыл (в Херсонес) с сухопутным и морским войском и, присоединив к нему отборных (херсонесских) воинов (разместившихся) на трех судах, двинулся (морем) из нашего города (Херсонеса), овладел Феодосией

¹ Foucart, BCH, V (1881), 85, замечал по этому поводу: «Перисад принял протекторат Мифрадата и, может быть, назначил его своим наследником. Но до своей смерти он сохранял титул боспорского царя, фактически же власть осуществлялась Мифрадатов и его уполномоченными».

и Пантикапеем, покарал виновников восстания, Савмака же, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство (т. е. в Понт) и снова приобрел власть (над Боспором) для царя Мифрадата Евпатора».

Прежде всего должно выяснить следующие вопросы: 1) кто были скифы, произведшие переворот; 2) кто был Савмак, ставший во главе его; 3) кто представлял собою переворот, какого он был характера?

На первый вопрос, после сделанных выше разъяснений, ответить не трудно. Правда, Нисе¹ усматривал в скифах, произведших переворот, тех скифов из царства Палака, которые теснили Херсонес и Боспор. Но уже Брандис² правильно указывал на то, что нелегко, чтобы эти скифы дважды, в короткое время, разбитые наголову Диофантом, непосредственно вслед за тем появились в Пантикапее и подняли там восстание. Возможно ли было этим скифам, замечает Брандис, жившим сравнительно далеко от Боспора, с такою быстротою поднять там восстание и оказать ему поддержку, в особенности, если принять в расчет, что восстание сопровождалось вначале несомненным успехом, что сам Диофант лишь с трудом мог избежать грозившей ему опасности? Начальный этап восстания говорит за то, что для него на самом Боспоре нашлось достаточно горючего материала. Таким образом, под скифами, произведшими переворот, должно разуметь не скифов из царства Палака, не тех степных скифов, которых Страбон называет номадами и территория которых, кстати сказать, была в то время, когда переворот произошел, занята роксоланами, а, очевидно, тех скифов, которых Страбон (VII, 311) называет земледельцами и которые жили на всем Керченском полуострове до Феодосии включительно. Все эти соображения Брандиса совершенно правильны. Но выводы, которые он делает из них, не могут быть приняты. Брандис представляет себе характер произведенного скифами-«земледельцами» переворота в таком виде: это была борьба между городом и деревней, борьба на партийной почве. Партия, опиравшаяся преимущественно на сельское население скифских земледельцев, ополчилась против партии, опиравшейся, главным образом, на население греческих городов Боспора. Эти партийные группировки существовали и раньше; при Перисаде каждая из них заняла свою определенную позицию за или против аннексии Боспора Мифрадатом. Таковы соображения Брандиса. Но можно ли говорить о каких-либо партийных группировках в Боспорском государстве, если принять во внимание социальное различие населения боспорских городов и боспорских деревень? Ведь население первых состояло из господ, население вторых—из рабов. Правда, вопрос об аннексии Боспора, в силу указанных выше причин, был далеко не безразличен для боспорских рабов и для боспорских господ, и мы уже упоминали, что если последние должны были сочувствовать передаче Перисадом власти Мифрадату, то боспорские рабы должны были отнестись к нему враждебно. Это и сказалось на первых же шагах восстания: Перисад, добровольно уступивший свою власть Мифрадату, был убит. Та же участь грозила и Диофанту, виновнику передачи власти в руки понтийского царя, если бы заговор, составленный на жизнь Диофанта, увенчался успехом. Но корни государственного переворота, происшедшего на Боспоре, были более глубокие, чем вопрос о том, кто будет править Боспором, Спартокид или Ахеменид. И не «партийная вражда» между городским и сельским насе-

¹ Niese, Rh. Mus., XVII (1887), 567 сл.

² Brandis, RE, III, 774.

лением переворот породила. Он возник в результате давным-давно таившейся вражды между классом угнетателей и классом угнетенных, между классом господ и классом рабов. Эта классовая вражда вылилась, в конце концов, в открытую классовую борьбу в виде восстания скифских рабов в европейской части Боспорского государства.

Распространилось ли восстание и на его азиатскую часть, мы сказать не можем. Скорее приходится думать, что восстание на азиатскую часть не перекинулось. Диофанту, как видно из надписи, пришлось отвоевывать от повстанцев Феодосию и Пантикапей, очевидно, находившиеся в их власти и служившие для них укрепленными пунктами. Ни один из городов азиатской части Боспора, очевидно, не попал в руки повстанцев. В надписи определенно сказано, что переворот произвели скифы. Скифов не было в азиатской части Боспора. Населявшие ее туземные племена принадлежали к мэотам (о синдах не говорим: они рано уже обэллинизовались). Скифов же и мэотов древние писатели определенно различают. Тем более мы вправе ожидать этого различия в официальных документах.

Чем должно объяснять пассивное отношение к произведенному скифами европейской части Боспора перевороту со стороны туземного населения его азиатской части? Мы знаем, что Боспорское государство, в пору его процветания, подчинило своей власти туземные племена, обитавшие по течению Кубани и ее притокам¹. Возможно, однако, что эти племена в ту пору, когда Боспорское государство ослабело, вернули себе прежнюю независимость. Из Страбона (VII, 307; II, 73) мы знаем, что после того, как Мифрадат уже воцарился на Боспоре, его полководцу Неоптолему пришлось воевать с мэотами, жившими на берегу пролива. Что же касается тех мэотов, которые жили к северу до города Танаиса, то они в состав Боспорского государства не входили, а скорее тяготели к Танаису, который боспорскому правительству далеко не всегда удавалось удерживать в своих руках². Более, чем сомнительно, чтобы Танаис входил в состав Боспорского государства в эпоху его слабости, при последних Перисадах. К тому же в то время, когда произошло скифское восстание в европейской части Боспора, его азиатская часть, за исключением Таманского полуострова с его греческими городами, была уже занята сарматами, с которыми мэоты слились. Очевидно, связь между туземным населением обеих частей Боспора в рассматриваемую эпоху была очень слабая.

Теперь о том, кто был руководитель восстания, Савмак. Если бы классовый состав скифов, произведших переворот, был определен правильно, не пришлось бы гадать и о Савмаке и возводить его на тот высокий пьедестал, на котором он оказался стоящим. Да и самый переворот получил бы иную характеристику. Этот переворот обычно рассматривается, как своего рода дворцовый переворот, представляется личным делом Савмака, к которому присоединились скифы. Но уже сама формулировка надписи не позволяет делать таких заключений. В ней определенно сказано: τῶν περὶ Σαύμακον Σχυθῶν νεωτερίαντων, из чего следует, что переворот произвели скифы, объединившиеся вокруг Савмака. Что Савмак—тоже скиф, об этом свидетельствует его имя. Но классовое происхождение Савмака? Тут среди ученых полное единомыслие, с незначительными лишь оттенками. Некоторые считали Савмака даже одним из скифских царей, потомком

¹ См. мои «Боспорские этюды» («Известия ГАИМК», вып. 104), 17.

² Strab., XI, 493.

Скилура¹. Низе²: Савмак — приемный сын Перисада; скифы, объединившиеся вокруг него, — те скифы, которые, незадолго до переворота, принудили Перисада платить им дань. Т. Рейнак³: Савмак — скифский наследник Перисада. Гольм⁴: Савмак — скифский принц, воспитанник Перисада и его наследник Брандис⁵: Савмак — воспитанник Перисада, очевидно в родстве с царской фамилией, во всяком случае, кто-то, кто чувствовал себя обиженным воцарением Мифрадата на Боспоре. И. Е. Миннз⁶: Савмак — воспитанник Перисада, опиравшийся на скифскую партию; вполне возможно, что он был законным представителем Спартокидов, стоявшим, очевидно, в оппозиции к интересам Мифрадата и рассчитывавшим на поддержку скифов. М. И. Ростовцев⁷: последний боспорский царь, вероятно, был вынужден усыновить скифского принца (Савмака) и дать ему греческое воспитание, чтобы подготовить для Боспора новую скифско-греческую династию. Позволительно, однако, задать вопрос: что могло побудить Перисада готовить в свои наследники скифского принца? Или Перисад рассчитывал усыновлением скифа Савмака *Scytharum benevole tiam captare* и тем самым избавить Боспор от постоянной скифской угрозы? И если в планы Перисада входило создать на Боспоре новую скифско-греческую династию, то почему последовал поворот в мыслях Перисада и он передал власть Мифрадату? Не Диофант же в данном случае подействовал на Перисада.

В надписи сказано, что, во время восстания скифов, Савмак убил Перисада, *ἐκτρέψαντα αὐτόν* (Савмака). *Ἐκτρέψαντα* переводят и понимают в смысле «воспитавшего его», Савмака, что не точно, так как *ἐκτρέψειν* дословно значит «выкармливать». У Платона⁸ Законы говорят Сократу: *ἡμεῖς γάρ σε γενέσμεντες, ἐκτρέψαντες, παιδεύσαντες* и пр. Здесь ясно отличаются понятия «рождать», «выкармливать» и «воспитывать». С *ἐκτρέψειν* связано представление о физиологическом акте воспитания, точнее — выкармливания новорожденного, и в таком смысле глагол этот употребляется безразлично в отношении и людей, и животных, и растений. Число примеров из литературных памятников можно было бы привести достаточно, но и без них ясно значение глагола *ἐκτρέψειν*.

Из доступного мне эпиграфического материала я приведу один пример, но показательный. Это надпись из селения Давлия в Фокиде. Она относится к середине II в. до н. э. и представляет обычный акт об отпущении рабов на волю, так наз. манумиссию⁹. Строки 4—7 надписи читаются так: *Καλλῶν Μ(ν)ασία, Δαμῶ Φίλωνος Δαυλιεῖς νοέοντες καὶ φρονέοντες ἀνέδραξαν Ἀθάναι τῇ Πολιάδῃ ἃ ἐκτρέψαντο σώματα εἰς ὄνείματά ἐστι* (имена семи рабов и рабынь) *τούτους ἐλευθέρους εἶμεν πάντας τοὺς ἰδίους ἡρεπύους* — «Каллон, сын Мнасия, Дамо, дочь Филона, давлиейцы, находясь в твердом уме, посвятили Афине Полиаде тела (т. е. рабов), которые они выкармили

¹ Юргевич, 300, XII; Бурачков, Каталог монет, 221; Момзен, Римская история. II, 279, русск. перевод (изд. Солдатенкова 1887 г.).

² Rh. Mus., XLII, 1887, 560.

³ O. c., 69.

⁴ Holm, Gr. Gesch. IV, 677.

⁵ RE, III, 774.

⁶ Minns, Scythians and Greeks, 520, 582.

⁷ CAH, IX, 229.

⁸ Plat., Crit., 51 c.

⁹ Последнее издание этой считавшейся утраченной, но вновь найденной Louis Robert'ом надписи принадлежит этому светилу греческой эпиграфики: BCH, LIX (1935), 202.

и которым имена (такие-то); быть свободными всем этим принадлежащим им вскормленникам». В приведенной фразе особенно поучительно сопоставление глагола ἑκτρέφειν и прилагательного θρεπτός (подразумевается δοῦλος), которое встречается исключительно в актах об отпущении рабов на волю—примеров можно было бы привести сколько угодно. Θρεπτός, θρεπτή—terminus technicus; он соответствует лат. *verna* и означает раба, родившегося и выросшего в доме своего господина, доморощенного раба. Поэтому в некоторых манумиссиях к θρεπτός прибавляется еще οἰκογενής¹. Сопоставление в давлийской надписи θρεπτός и ἑκτρέφειν укрепляет меня в той мысли, что глагол ἑκτρέφειν и в декрете в честь Диофанта употреблен в специальном значении и применен к Савмаку потому, что он был доморощенным рабом, θρεπτός οἰκογενής боспорского царя².

Теперь, если удачна попытка, деградировав Савмака, поставить его на принадлежащее ему место, характер происшедшего на Боспоре движения представляется в ином свете. Это—не дворцовый переворот, произведенный при помощи скифов раздосадованным на Перисада Савмаком; это и не борьба деревни с городом; это—восстание скифских рабов, объединившихся вокруг доморощенного царского раба. Воспользовавшись создавшимся «междоусобицей», — Перисад отрекся от престола, Мифрадат фактически еще не приняв бразды правления,—считаясь с тем, что Диофант не располагал на Боспоре понтийской армией, вооруженных же сил Боспора, очевидно, опасаться не приходилось, скифские рабы подняли восстание в Пантикапее. В декрете в честь Диофанта, там, где говорится о его расправе с повстанцами, движение их называется «восстанием»—ἐπανάστασις; тот же термин употребляет, между прочим, Фукидид, упоминая о восстании спартанских илотов (II, 27, 2). Представляло ли восстание просто бунт рабов против господ или же оно должно быть рассматриваемо, как более серьезное революционное движение? Декрет, говоря о начале движения, пользуется термином νεωτερίζειν. Этот термин (как и стоящий с ним в связи νεωτερισμός) очень часто употребляется в специальном значении «стремиться к государственному перевороту», «производить социально-политическое революционное движение» (например Фукидид, I, 115, 2; VIII, 73, 1). Римляне обвиняли в 171 г. перед дельфийскими амфиктионами царя Персея, между прочим, в том, что он в греческих городах νεωτερισμοῦς ἐποίησεν—старался вызывать революционные движения (Syll.³ 643). Так было и на Боспоре. Внешним выражением произведенного скифскими рабами переворота было то, что поплатился жизнью Перисад, павший от руки своего доморощенного раба. Савмак вырос во дворце, и ему легче, чем кому-либо другому, было добраться до царя, может быть, искавшего спасения в каком-нибудь потайном месте дворца. Та же участь, что и Перисаду, грозила Диофанту, если бы он не успел спастись на присланном за ним судне из Херсонеса (очевидно, и флот, стоявший в Пантикапее, примкнул к повстанцам). С Диофантом повстанцы хотели расправиться потому, что за его спиной стоял Мифрадат, опасный претендент на боспорский престол. Но что же скифы предполагали делать дальше? Перисад был убит, Мифрадат далеко. Но само-то Боспорское царство продолжало

¹ Например Syll.³ 1207; Michel, Rec., 1417.

² Такие рабы вели свое происхождение или от связи рабов с рабынями или же от связи господ с рабынями. В Северной и Средней Греции рабы, родившиеся от связи господина с рабынями, часто получали имя их физического отца. Busolt, Gr. Staatskunde, 275. Савмак носит ярко выраженное скифское (фракийское) имя. Вероятно, отцом его был также раб, а не Перисад.

существовать, и должен же был кто-либо стать во главе его. И боспорским царем сделался Савмак; неизвестно только, сам ли он провозгласил себя царем или был провозглашен повстанцами.

Декрет в честь Диофанта, по вполне понятной причине, царем Савмака не называет. По счастливой случайности до нас дошли две мелких серебряных монеты (диоболы) одного и того же приблизительно веса¹. На монетах стоит надпись: ΒΑΣ[ιλέως] ΣΑΥ[μάκου]—расшифровкой легенды наука обязана Р. Вейлю², и она принята всеми. На этих монетах, на лицевой стороне, изображена безбородая голова вправо в лучезарном венце, на оборотной—голова быка. Позднее в Британском музее оказалась монета с надписью: ΒΑΣ[ιλέως] ΣΑΥ[μάκου] с изображением на лицевой стороне безбородой головы в фас, также в лучезарном венце, перуна—на оборотной³.

Восстание скифских рабов в Пантикапее, быстро распространившееся по всему Керченскому полуострову и привлекавшее на сторону Савмака большое число сторонников из туземного населения, создавало в лице нового боспорского царя такого соперника для Мифрадата, с которым прихо-

¹ 1,15 и 1,09 г; одна из монет, из собрания Бурачкова, в Историческом музее в Москве, другая—в берлинском Минц-кабинете. Бу р а ч к о в—Каталог, XXV, 37.

² R. Weill, ZfN, VIII, 329.

³ S a l l e t, ZfN, XVI, 3; Minns—Scythians and Greeks, VI, 22. У меня было большое искушение отнести к Савмаку и тот единственный экземпляр золотого статера «Лисимаховского типа», сходного с такими же статерами последних Перисадов (А. В. О р е ш н и к о в, «Нумизм. сборник», II, 1913, 37 сл., подробно перечислил и разобрал эти статеры), который поступил в Cabinet des Médailles в 1865 г. от продавца-грека; по его словам, статер будто бы был найден в окрестностях Трапезунта. Статер этот, в свое время вызвавший длинное рассуждение А. Chabouillet, Mém. de la Société des Antiquaires de France, IX, 1866, 1—63, имеет надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ 'ΑΧΩ. Шабуйе считал этого Ака (или Аку) фракийским или скифским династом. I m h o f-Blumер, Porträtköpfe auf antiken Münzen, 35 (ср. Н e a d, Hist. Num.² 504), правильно усмотрел в изображенной на лицевой стороне статера голове подражание голове Александра Македонского, как и на статерах Лисидаха, и признавал в Аке предшественника или преемника одного из Перисадов II в. А. В. О р е ш н и к о в, о. с., 41 сл., издавший статер Ака по имевшемуся в его распоряжении слепку, усматривал в изображении лицевой стороны не подражание голове Александра, а портрет Ака; однако, M i n n s, о. с., 585, отмечает правильно, что на голове имеется рог Аммона. Время статера, основываясь на его стиле и фактуре, определяют либо серединою III в. (А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, «Нумизм. сборник», II, 84), либо второю половиною III в. (M i n n s), либо концом III в. (А. В. О р е ш н и к о в в письме ко мне); R o s t o v t z e f f, САН, VIII, 581, видит в Аке узурпатора и находит, что он выглядит на статере скифом или сарматом—последнее могу объяснить только тем, что М. И. Ростовцев видел статер в грубом воспроизведении его при статее Chabouillet. А. Н. З о г р а ф, которого от души благодарю за помощь при разборе нумизматических вопросов, в чем я не могу признать себя достаточно компетентным, относит статер к началу II в. Не знаю, чье определение времени статера ближе к истине—разница в пределах всего 50—60 лет, но смею все-таки высказать свое суждение, что стиль и фактура монет, в пределах, скажем, одного столетия, зависят не только от того времени, когда они чеканены, но и от таланта, умелости и индивидуальности мастеров, изготовлявших штамп. Меня интересует самое имя царя на парижском статере, 'ΑΧΩς, или 'ΑΧης—имя загадочное. В. В. Ш к о р п и л (Сборник в честь Бобринского, 40¹) пробовал объяснить это явно негреческое имя, сопоставляя его с женским именем 'Αχίς в фрагменте одной из таманских надписей (ИАК, 18, 125), относимой В. В. Латышевым к IV в. до н. э., сочтенным им за имя «особы из царского рода Перисадов» (в надписи стоит 'Αχίς Πατρι[σίδεος]). Но если 'Αχίς можно было бы возводить к нарицательному ἡ ἀχίς (острие стрелы, копьё, в переносном смысле стрела Эроса), то нельзя же было бы его мужской эквивалент 'Αχως или 'Αχης сопоставлять с ἡ ἀχίς или τὸ ἀχως (врачебное средство). В надписях Северного Причерноморья засвидетельствовано имя 'Αχχας (ΙΡΕ, IV, 312; ИАК, 2, 69, 1, 10, 40, 33), но имени 'Αχως или 'Αχης нет, и предполагать его существование трудно. Между тем, из тех же надписей можно было бы привести до 70 собственных имен, и притом явно туземных, в которых αχως или αχης служит конеч-

дилось считаться. Возможно, что к повстанцам присоединились и кое-какие отряды крымских скифов, разбитых, но не уничтоженных Диофантом. Положение последнего, после того как он спасся от грозившей ему в Пантикапее опасности, было затруднительное. Та армия, с которой он прибыл во время второй экспедиции, отбыла из Херсонеса в Понт, и, таким образом, Диофант не имел возможности быстро подавить восстание, всякая же проволочка увеличивала силы повстанцев и придавала им бодрость. Правда, в распоряжении Диофанта было херсонесское ополчение, но оно было недостаточно, чтобы, опираясь на него, можно было рассчитывать на успешное подавление восстания, да и оставлять Херсонес беззащитным было рискованно: уцелевшие силы Палака всегда могли воспользоваться удобным случаем и сделать набег на Херсонес и его территорию. Вот почему в декрете в честь Диофанта помощь последнему, поскольку она могла быть оказана Херсонесом, получила такое бледное отражение: Диофант лишь мог «призвать» (*παράκλησας*) херсонесских граждан прийти к нему на помощь. Он прекрасно понимал, что подавить рабское восстание можно лишь при помощи той армии, с которой он раньше боролся со скифами в Крыму, во время первых двух экспедиций. Поэтому, не теряя времени, Диофант отправился в Синопу, чтобы поставить Мифрадата в известность о всем происшедшем на Боспоре и привести из Понта тамошнее войско. Лишь в начале весны следующего за второй экспедицией года Диофант прибыл в Херсонес с армией и военным флотом, получив и на этот раз от Мифрадата поручение снарядить и провести свою третью экспедицию¹.

ною частью таких имен, как, например, *Ὀμφάλακος*, *Πάλακος*, *Πήρακος* или *Βιδάκης*, *Ποιρθάκης*, *Σπαδάκης* и т. п. Все это и побуждало меня предполагать, не стояло ли на парижском статере *Βασιλέως* [*Σαυρ*] *άκκο*, монеты которого, как мы видели, засвидетельствованы. Однако на оборотной стороне статера под протянутой рукой фигурки Ники, которую держит сидящая Афина, ясно читается *ΑΚΟΥ*, и места для *ΣΑΥΜ* на правом боковом поле нет. Пользуясь только воспроизведением статера на рисунке (цинкографическом) при статье А. В. Орешникова, я все же мог убедиться в том, что шлем на голове Афины, приходящийся на верхнее поле статера, стерт, что, следовательно, верхнее поле слегка пострадало. Предполагая, что *ΣΑΥΜ* могло помещаться на верхнем поле над фигурой Ники, между нею и шлемом Афины, я просил Jean Babelon'a сообщить мне сведения о степени сохранности верхнего поля. С величайшей любезностью Babelon отозвался на мою просьбу, за что я и здесь прошу его принять мою большую признательность. Хотя Babelon и не удовлетворил моего любопытства о состоянии верхнего голя, но его категорические слова: «Je suis assuré que le nom du roi ne peut être completé: le graveur dans sa composition n'a ménagé la place que des lettres suivantes, très lisibles: *ΑΚΟΥ*» — заставляя меня до того случая, когда мне удалось бы исследовать оригинал статера, воздержаться от увлекшего меня предположения. Как бы то ни было, самое имя *Ἄκος* или *Ἄκης* продолжает оставаться для меня неразрешимой загадкой, и к существованию боспорского царя Ака (или Аки) я продолжаю относиться с недоверием.

¹ Это была третья экспедиция, а не продолжение второй, как полагает М. И. Ростовцев (САН, IX, 231 сл.), неправильно в данном случае толкующий декрет. Вторая экспедиция закончилась разгромом скифов под Хабейями и Неаполем, что имело место «в начале весны», после чего Диофант отправился в Боспор. В свою третью экспедицию Диофант прибыл в Херсонес с сухопутным и морским войском, т. е. с армией и военным флотом—последнего не было у Диофанта ни в первую, ни во вторую экспедицию, — также «в начале весны». Выходило бы таким образом, что Диофант прибыл на Боспоре, после разгрома крымских скифов во вторую экспедицию, чуть ли не целый год, устраивая там дела в интересах Мифрадата, что было бы слишком долго. Думать же, что второе «в начале весны» совпадает с первым, также невозможно, так как не остается времени для восстания скифов на Боспоре. Далее: если бы третья экспедиция последовала непосредственно за второй, если бы Диофант, по окончании второй экспедиции, не ездил в Понт за сухопутным и морским войском, составитель декрета не мог бы сказать: *συνέρρον πρόβιον ἔχων τὸν ἐξαπτεῖλλοντα βασιλέα Μιφραδάτην*, а должен был бы сказать: *ἐξαπτεῖλλοντα*. Диофант имел в лице Мифрадата ревностного помощника теперь, когда он посылал его с армией и флотом на борьбу с повстанцами.

Не следует думать, что эта третья экспедиция Диофанта, направленная специально на подавление восстания скифов и для водворения порядка на Боспоре, прошла в таком быстром темпе, как это выражено в надписи. Тут, помимо лапидарности греческого документального стиля, должно было найти свое отражение, на что указывалось уже выше, стремление херсонесцев представить подвиги Диофанта в декрете, в честь его изданном, с особою выпуклостью. Поэтому из сжатого повествования надписи и получается впечатление: *venit, vidit, vicit*. В действительности, надо полагать, и снаряжение экспедиции в Понте—в ней участвовала не только армия, переправлявшаяся на транспортных судах, но и военный флот,—потребовало некоторого времени. а главное—не так-то легко и просто было справиться с повстанцами, захватившими Феодосию и Пантикапей, которые Диофанту пришлось отвоевывать (*παρέλαβε Θεοδοσίαν καὶ Παντικήπειον*). Впрочем, подробности подавления восстания неизвестны, и гадать о них не стоит. Когда восстание было подавлено, началось следствие и суд над виновниками переворота; они получили полагавшееся возмездие от Диофанта на месте же. Но, заполучив в свои руки Савмака, Диофант не расправился с ним тотчас же, а отослал его к Мифрадату. Из надписи выходит, что главная вина Савмака состояла в том, что он убил Перисада. Но, конечно, дело было не в этом: устранение Перисада было, если угодно, даже в интересах Мифрадата, так как тем самым решался вопрос о судьбе последнего Спартокида, что избавляло Мифрадата от необходимости заботиться о создании для него приличествующего его бывшему сану положения; а если в акте о передаче власти Перисадом Мифрадату были оговорены особые условия, на которых эта передача состоялась, то, со смертью Перисада, они сами собою отпадали. Савмак был отправлен непосредственно в руки Мифрадата потому, что он был не простым бунтовщиком и главарем бунтовщиков; он оказался соперником Мифрадата, поскольку Савмак действовал, как человек, облеченный царской властью, как узурпатор власти Мифрадата на Боспоре. Поэтому и решить участь Савмака надлежало понтийскому царю. Заключение слов декрета о подавлении Диофантом восстания: *τὰ δὲ πράγματα ἀνεκτάτο βασιλεὶ Μιφράδατι Εὐπάτορι* — «Диофант снова приобрел¹ (перевод «восстановил» не точен) правление (на Боспоре) для Мифрадата Евпатора»², показывают, что переворот, произведенный скифами под предводительством Савмака, был событием, носившим более серьезный характер, чем это может показаться на первый взгляд: Савмак был, хотя бы и короткое время, боспорским царем. И кто знает, как сложились бы дела на Боспоре и вообще в Северном Причерноморье, если бы восстание скифских рабов не было Диофантом подавлено.

На многие напрашивающиеся вопросы краткая реляция декрета в честь Диофанта ответов не дает. Мы не можем сказать, сколько времени Савмак успел поцарствовать на Боспоре—во всяком случае, не менее года. Мы не знаем, предпринял ли Савмак какие-либо реформы в государственном строе Боспора, в его экономическом укладе³. Мы не знаем, как урегулированы

¹ Для такого значения *ἀνακτάομαι* ср. хотя бы Негод., I, 61, 3; III, 73, 2.

² Термин *πράγματα* в эллинистическом языке, как указывает Вискерманн, «Gnomon», VIII, 1932, 129, означает отсутствующее в классической прозе понятие абстрактного государства, «das Staatswesen, Regime».

³ Делосская посвятельная надпись (Syll.³ 1126), относящаяся ко времени около 100 г. до н. э., поставленная нимфейским гражданином Евтихом за себя, за своего сына и за «всех плавающих», т. е., очевидно, судовладельцев-купцов, показывает, что

были социальные отношения за время скифского господства в европейской части Боспора, в частности с его греческим населением. Мы не знаем, наконец, что предприняли скифские рабы, ставшие господами положения на Боспоре при Савмаке, по отношению к своим бывшим господам; едва ли в данном случае все шло и прошло для последних по-хорошему.

Успех, как бы непродолжителен он ни был, скифской революции на Боспоре, объясняется, в значительной мере, не только сложившимися социальными условиями на Боспоре, но, несомненно, и тем, что все его туземное население, может быть, за исключением его верхов, оказалось тесно сплоченным в своей вражде к господствующему и эксплуатирующему скифов классу. Но не одна эта вражда руководила скифами, произведшими переворот. На них должен был подействовать и пример созданного Скилуrom и поддержанного Палаком скифского царства в Крыму. Если создание такого царства удалось крымским скифам, то почему оно должно было не удасться скифам Керченского полуострова? Чувство национального, быть может, правильнее сказать, племенного самосознания, которое, разумеется, никогда не умирало в среде туземного населения, но которое было придушено в силу создавшегося положения вещей, длившегося очень долго, должно было пробудиться и окрепнуть с новой силой, когда представился для этого, как казалось скифам, благоприятный момент—смена режима Спартокидов на Боспоре.

Повстанческое движение потерпело крах, потому что керченские скифы были представлены исключительно своим силам. Если в количественном отношении они, несомненно, и имели перевес над армией Диофанта, то в качественном отношении они ей, конечно, уступали. «Против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легко вооруженное войско оказывается бессильным», правильно заметил, хотя и по другому поводу, Страбон¹. А в распоряжении Диофанта, помимо хорошо вооруженной армии, приобретшей опыт в недавней войне с Палаком, был еще военный флот. Во всяком случае, то военное снаряжение, с которым выступил Диофант на подавление восстания скифов, показывает, что Диофант прекрасно отдавал себе отчет в предстоявшей ему трудной борьбе.

Это восстание скифских рабов на Боспоре, имевшее место в последнее десятилетие II в., было одним из звеньев той длинной цепи рабских восстаний, которые вспыхивали, и иногда были очень грозными, в последней трети II в. (о предшествовавших вспышках рабских восстаний в разных пунктах Италии см. И. В. Н е т у ш и л, Обзор римской истории, 148 сл.; о восстании рабов на Хиосе в середине II в. E s c h e r, RE, V, 1708). В 136—132 гг. было первое большое восстание рабов в Сицилии (H u g h L a s t, САН, IX, 12 сл.). Одновременно с ним в Малой Азии происходило движение Аристоника, которое опиралось, главным образом, на рабов (W i l c k e n, RE, II, 962 сл.), также на Делосе, этой ярмарке продаваемых рабов (P. R o u s s e l, Delos, colonie athénienne, Paris, 1916, 18 сл.; 55⁵), первое восстание рабов в Аттике (Ж е б е л е в—Из истории Афин, 219). В 104—100 гг. было второе восстание рабов в Сицилии (H u g h L a s t, о. с., IX, 153 сл.). Одновременно с ним—восстание рабов в Капуе (там же), второе восстание рабов в Аттике, работавших в рудниках Лаврия (Ж е б е л е в, там же).

в самом конце II в. напряженное положение на Боспоре улеглось, и торговая жизнь там вошла в свою колею. Нимфей, расположенный по соседству с Пантикапеем, был, разумеется, во власти повстанцев.

¹ S t r a b., VII, 306.

Происходили, повидимому, также движения рабов и в других местах¹. Орозий (V, 9, 5) замечает, говоря о первом сицилийском восстании: «От этого первого трута сицилийского бедствия засверкали те искры, которые посеяли различные эти пожары». Причина всех рабских восстаний повсеместно была одна и та же: та система рабовладельческого хозяйства, при которой земельные собственники выжимали из своих рабов все соки². Во всю эту серию рабских восстаний прекрасно входит и восстание скифских рабов на Боспоре. Боспор лежал далеко и от Сицилии и от Италии, ближе к Афинам, Делосу и Малой Азии. Но в боспорские гавани заходили торговые суда из различных мест, и скифские рабы отлично были осведомлены о том, что делается на белом свете среди их собратьев по эксплуатации.

Нам всего лучше известны сицилийские восстания, так как о них дошли, правда, отрывочные, но все же достаточно подробные, сведения у Диодора, источником которого в данном случае был Посидоний³. Некоторые штрихи сицилийских восстаний и восстания боспорского поражают своим сходством. Так, например, глава первого сицилийского восстания, сирийский раб Евн, так же, как и Савмак, избран был повстанцами царем и принял имя Антиоха⁴, очевидно, потому, что и многие сирийские цари назывались Антиохами. В Энне, главном центре восстания, Евн Антиох чеканил, так же, как и Савмак, монету со своим именем и царским титулом⁵. Руководитель второго сицилийского восстания, римский раб Сальвий, провозгласил себя царем под именем Трифона; его преемник Афинион также титуловал себя царем⁶. Из описания хода сицилийских восстаний видно, с какою быстротою они распространялись, как число повстанцев все увеличивалось и увеличивалось. У Евна сначала число вооруженных рабов не превышало 15 000; под конец общая цифра восставших дошла до 200 000. Если даже эти цифры, по свойственной древним привычке преувеличивать цифры сражающихся противников, и находить слишком большими, — тот факт, что римлянам пришлось бороться с восстанием в течение четырех-пяти лет и мобилизовать против него крупные военные силы, свидетельствует, что повстанцы и боролись мужественно и военным снаряжением обладали достаточным. В этом отношении интересно отметить, что Евн, давший распоряжение убивать пленных жителей Энны, приказал не трогать оружейных мастеров, которых он, в оковах, отправлял на их работу. Интересно и то, что тот же Евн, объявив себя царем, постарался организовать управление своим царством: он учредил при себе совет, назначив членами его наиболее способных из окружающих его лиц.

Но, допуская те или иные сходства в рабских движениях последней трети II в., не забудем и того существенного отличия, которое является характерным в восстании скифских рабов на Боспоре. И на сицилийских плантациях, и в Лаврийских рудниках, и в Малой Азии, и в прочих местах восставшие рабы представляли собою разношерстную этническую массу. Не то было на Боспоре. При обилии местной туземной рабской силы, дви-

¹ Ср. Dio d., XXXIV—XXXV, 2, 19.

² Диодор, XXXIV—XXXV, 2, 13, замечает о первом сицилийском восстании: его вызвало не τῶν δοῦλων ὀμότης φύσεως, ἀλλὰ τῶν προσηρτημένων εἰς αὐτοὺς ἀδικημάτων ἀνταπόδοσις.

³ Jacoby, Frg. Hist. II A 87 F 103 (Anhang, 286, 294), ср. Carcopino, Hist. romaine, 176 сл., 332 сл.

⁴ Dio d., XXXIV—XXXV, 2, 14, 16, 21.

⁵ Hugh Last, op. cit., IX, 131.

⁶ Dio d., XXXVI, 7, l. 10, 1.

жение скифских рабов, возглавленное скифом же Савмаком, было, по этническому составу повстанцев, вполне однородно: не приходится думать, что на Боспоре пользовались рабами иного, не скифского, происхождения. Это ясно подчеркнуто и в декрете в честь Диофанта, где сказано, что скифы, т. е. скифские рабы, произвели государственный переворот. Таким образом, восстание боспорских рабов отличается от прочих одновременных с ним восстаний тем, что в нем объединилось открытое проявление обостренной классовой борьбы с элементами национально-этнического движения. Если Евн-Антиох и Сальвий-Трифон в Сицилии были утопистами, мечтая о возможности создания там какого-то особого царства, то мечты Савмака и его сторонников лишены были этой черты: существовало же, думали скифские рабы, в Крыму скифское царство сначала Скилура, затем Палака; почему же нельзя осуществить создание скифского царства на Боспоре, коль скоро последний Перисад добровольно отдал свое царство Мифрадату, и Боспор тем самым оказался, хотя бы временно, без царя? Первые успехи восстания должны были вскружить голову восставшим и не дали им ни времени, ни желания предвидеть те последствия, к которым восстание привело.

И еще на одну характерную особенность скифского восстания рабов хотелось бы обратить внимание. Это было единственное, поскольку позволяет судить знание наших источников, восстание рабов, возникшее на периферии античного мира, в одной из его отдаленных колониальных областей. И до сих пор никем и нигде не зарегистрированный факт в истории античного мира—восстание скифских рабов на Боспоре в последнее десятилетие II в. до н. э., каким бы преходящим и незначительным этот факт ни показался,—заслуживал слишком, может быть, длинного и подробного его истолкования, поскольку факт этот является фактом новым. Для нас же восстание скифских рабов на Боспоре представляет особенный интерес, как первое революционное восстание угнетенных против их угнетателей в античных колониях на территории СССР¹.

¹ А. С. Коцевалов в рецензии на первое издание моей работы («Наукові Записки Інституту історії матеріальної культури Академії наук УРСР», кн. 1, 1937), отвергая а limine, мое толкование рабского восстания на Боспоре, предлагает взамен моего толкования такую «рабочую гипотезу»: скифы, поднявшие восстание, могли быть каким-нибудь скифским племенем, которое, отстаивая свою самостоятельность, вело войну со Скилуром и вступило в союз с Перисадам, направленный против Скилура. Предводитель этого племени потерпел неудачу в борьбе со Скилуром или Палаком, и тогда все племя поселилось где-нибудь около Керченского полуострова или на нем самом и помогало Перисаду защищать Боспор от скифов из царства Палака, причем Савмак был воспитанником Перисада. Переход власти от последнего к Мифрадату лишил скифов Савмака их преимуществ. Поэтому они и подняли восстание, когда боспорским царем стал Мифрадат.—Не завидую пылкой фантазии автора этой «рабочей гипотезы». А относительно отрицания моего сопоставления *εχτρέφειν* и *δρεπτός* сошлюсь на приведенную выше надпись из Давлии.